

Переведи часы назад

Людмила Ртищева

Лана открыла глаза и увидела потолок, белый, с двумя высоко висящими шарообразными светильниками, горевшими неярко светом. Он совсем не был похож на потолок её спальни – бледно-голубой, с розоватыми как на восходе или на закате, облачками. И Лана сразу вспомнила: она в больнице.

– Ой, проснулась! – перебил её мысли молодой женский голос. И почти сразу же над ней склонилось лицо женщины, но не той, говорившей, – этой, пожалуй, было уже за пятьдесят, а может за сорок (болезнь искажает возраст).

– А мы уже думали, что вы впали в летаргию, – сказала она весело, – всё спите и спите.

– Сейчас утро или вечер? – спросила Лана, глядя на тёмный проём окна.

– Вечер. Вы уже больше суток проспали. Как привезли-то сюда – помните?

– Смутно! – Лана задумалась. – Вроде никак не получалось измерить мне давление... Ещё помню, как врач спросил: «А настоящий цвет лица у вас какой?».

– Юморист! – хихикнул молодой голос.

– Наверное, я была слишком бледная...

– Скорее, – зелёная. У вас давление упало ниже допустимого предела. А судя по разговорам врачей, – они никак не могли понять, в чём причина. Всю прошлую ночь возле вас суетились, – снова затараторил молодой голос. – Два раза систему ставили. А уж сколько уколов сделали – я и со счёту сбилась!

– Попа-то, наверное, как после порки... – улыбнулась вторая женщина. Лана пошевелилась – болело всё тело. Она попыталась приподняться – комната качнулась.

– Помочь? – глядя на её усилия спросила женщина.

– Нет, я сама. Просто голова закружилась, – Лана, наконец, повернулась на бок, приняв удобную позу.

В комнате стояли четыре кровати. Та, на которой она лежала, – между окном и дверью. У стены напротив – ещё две. На ближней к окну лежала, вытянувшись под простынкой, худенькая светловолосая девушка лет шестнадцати. На другую присела вторая говорившая с Ланой женщина. Ещё одна кровать стояла возле стены, что напротив окна. На ней тихо спала, укрывшись под самый подбородок одеялом, маленькая коротко стриженная старушка.

Возле каждой кровати стояло по тумбочке. А у окна – обеденный стол со столешницей из белого пластика и под ним – четыре таких же табуретки. На окне не было занавесок, а вместо них – стёкла больше, чем наполовину, были заклеены матовой плёнкой. Должно быть, от солнца, а может, и от посторонних глаз. Лана понятия не имела, что это за больница, что за отделе-

ние, на каком этаже находится палата, на какую сторону выходят окна. Она пыталась вспомнить, как вообще её сюда привезли...

– Вас как зовут? – нарушил воспоминания голос недавней собеседницы.

– Елана.

– Не сработало... – разочарованно протянула девушка.

– Что не сработало?

– Понимаете, меня зовут Люся, соседок моих – Людмила Алексеевна и бабушка Мила. Мы здесь все Людмилы. И как раз перед тем, как вы проснулись, говорили об этом почти мистическом совпадении.

– Подумаешь, совпадение, – Лана дернула плечами, – Людмила – имя распространённое.

– Да! А что вы об этом скажете? Я учусь на факультете журналистики. Людмила Алексеевна преподает в университете редакторскую подготовку периодических изданий. А наша бабушка, медсестры говорили, вообще известная писательница. И тоже в прошлом – журналистка. Как будто вся моя жизнь наперёд разложена. Не хватает только одного звена – работы в каком-нибудь СМИ.

Лана слушала молча, но её лицо выражало крайне удивление. И как только Люся замолчала, она, чуть севшим от волнения голосом, сказала:

– Действительно, мистика какая-то. Меня ведь тоже зовут Людмилой, Лана – это мой журналистский псевдоним. Я так с ним сроднилась, что при знакомстве, даже если это не по работе, представляюсь Еланой.

– А где вы работаете? – спросила Люся.

– Сейчас на телевидении. Три месяца назад запустила свою программу о творческих людях «Вечерние окна».

Людмила Алексеевна как-то очень пристально, словно пытаюсь что-то вспомнить, поглядела на Лану, но ничего не сказала.

– Как бы я хотела стать телезвездой! – мечтательно произнесла Люся.

Лана не ответила: если это и было обращение, то уж явно не к ней. Повисла тишина, нарушаемая только мерным посапыванием спящей бабушки Милы.

– А вы давно здесь лежите? – обратилась к своим собеседницам Лана.

– Все со вчерашнего дня, – отозвалась Людмила Алексеевна. – Бабушку, с подозрением на инсульт, привезли ещё утром, Люсю – после вас, а меня – днём. Прямо из зала заседания в университете. Я вчера утром приехала на конференцию по редактированию. Ехала почти двое суток. Соседи попались шумные, всю дорогу не спала – вот давление и подскочило. Дома бы полежала, лекарства попила – и всё. А здесь вызвали скорую – и сразу в больницу. Сейчас уж прошло – завтра буду проситься на выписку. Конференцию-то конечно пропустила...

– А откуда вы приехали?

– Я не сказала? Из Петербурга.

– Ого! – хором удивились Люся и Лана.

– А я здесь не одна петербурженка – бабушка наша тоже. Медсестра говорила, что она приехала собирать материал для своей книги. Прямо в архиве её и прихватило. Боялись – парализует, но, слава Богу, обошлось.

– Она тоже спит всё время? – поинтересовалась Лана.

– Нет, только днём. А всю ночь ворочалась. Спрашиваю: «Почему не спите?» – Говорит: «Боюсь умереть во сне и не проститься с жизнью».

– Да, мне это тоже знакомо, – задумчиво сказала Лана. – Когда-то после сотрясения у меня часто болела голова, и я тоже боялась засыпать.

– А сейчас из-за чего вы сюда попали? – спросила Людмила Алексеевна.

– Это странная история. Я даже сказала бы: мистическая.

– Расскажите, расскажите, – Люся даже привстала от нетерпения.

– Не вскакивай ты! Тебе лежать велели, пока не выяснят, почему в обмороки падаешь, – бросила Людмила Алексеевна в сторону Люси и, повернувшись к Лане, добавила: – Ну, рассказывайте же!

– Ладно, только не перебивайте. Началось всё позавчера, восьмого марта. Мы с подругами решили отметить праздник узким женским кругом.

– Без мужей? – сразу встряла Люся.

– Вообще-то из всех четверых замужем я одна. Муж у меня нефтяник и сейчас как раз на вахте в Тюмени. Поэтому собрались у меня. Видимся мы в последнее время нечасто. И то всё на каких-то мероприятиях: в музее у Тони, где она директорствует, у Нины на открытии очередной выставки (она у нас художник-дизайнер) или у Наташи на показе модных новинок (у неё своё модельное агентство). Ну, где я работаю, – вы знаете.

Девушки мы все деловые, медицинскими да физиологическими проблемами у нас делиться не принято – всё о работе, о детях, мужиках и снова – о работе.

В этот раз новости были у Нины – её снова «кинули». Несколько лет назад, когда в университете открывали творческий факультет, она много усилий приложила к тому, чтобы было на нём отделение дизайна. Ездила в Москву и за разрешением, и за опытом, формировала учебные программы...

– Это сложно, – вздохнула Людмила Алексеевна.

– Конечно! Ей даже пришлось уйти из художественного училища, в котором она преподавала уже не помню сколько лет. И пока она делала всю черновую работу, другие – строчили планы, занимали должности, выбивая ставки повыше и объединились в серый монолит, подвинуть который уже было невозможно. Пришлось уйти.

– Так и бывает, – снова вздохнула Людмила Алексеевна.

– Да... Обида забывалась долго. Но вот в городе решили открыть филиал столичного университета дизайна. Снова вышли на Нину – и как на председателя областного Союза дизайнеров и как на педагога от Бога. И снова она набрала курс, причём, теперь на платное обучение. Нашла и бывших своих учеников, которые ушли из университета вслед за ней. Начала преподавать, не дожидаясь возвращения ушедшего на подпись в Москву договора. А через два месяца выяснилось, что платить-то ей никто не собирается...

– Обычное наше свинство! – возмутилась Люся. А ваша подруга, что же она без договора-то – сейчас полагаться на слово нельзя...

– Мы тоже возмутились: и руководством вуза, и доверчивостью Нины, взявшей за дело без письменного договора. Но оказалось, что суть истории не в этом...– Лана села на кровати, примостив под спину подушку. Слушательницы терпеливо ждали продолжения рассказа.

– Да, скоро Нина сама была готова заплатить – лишь бы отвязаться от директора филиала. По её словам, он оказался не только энергетическим вампиром, но ещё и подчинял себе волю человека. После общения с ним она приходила домой опустошённой и обессиленной, с головной болью. А назавтра снова, как зомби, шла в университет. И так почти до Нового года.

– И как же она от него избавилась? – снова не выдержала Люся.

– Как рассказала нам Нина, она трижды нарисовала и сожгла его портрет. И только после этого он её отпустил.

– Сожгла портрет? – переспросила Люся. – А с чего она решила, что надо делать именно так?

– Не знаю. Скорее, по наитию. Вообще-то это общеизвестно, что картины обладают энергетикой. Но я всегда считала, что это энергетический заряд, который вкладывает в них художник. Нина же настаивала, что те портреты, которые она сожгла, несли отрицательную энергетику оригинала. И предложила это продемонстрировать.

– Да, я тоже знаю способ, как определить энергетику, – снова отозвалась Люся. – Нужно продеть нитку в кольцо и этот «отвес» держать на небольшом расстоянии от предмета или, например, в какой-то части комнаты. Закачается, как маятник, – значит, энергетика отрицательная.

– То же самое рассказала нам и Нина. Она попросила у меня лист бумаги. Я принесла планшет и карандаш. Нина работала быстро. Мы молча наблюдали, как вроде бы стихийные линии складывались в портрет. И уже через несколько минут с листа зло глядел на нас отвратительный тип – с крупными, заострёнными, как у тролля, ушами, косыми щёлчками глаз под лохматыми бровями домиком. И если бы не усы и борода, то, наверное, было бы видно, как он усмехается кривым ртом, обнажая гнилые зубы.

– Разве может так выглядеть руководитель учебного заведения? – удивилась Люся. – Просто шарж какой-то!

– И мы все удивились. Я даже сказала, что портрет явно утрирован, и Нина нарисовала не человека, а своё отрицательное восприятие его. Но она настаивала, что именно такой он и есть. Только ещё противнее, потому что живой.

Я достала из шкатулки нитки. Нина, сняв с пальца серебряное кольцо, сделала отвес и приблизила его к поставленному в угол дивана портрету. Кольцо висело несколько мгновений неподвижно и вдруг закачалось маятником. Все молча на него смотрели.

Наконец Тоня сказала: «Ты сама его раскачиваешь! Дай-ка – я». Отвес в её руке замер надолго, но потом тоже закачался, повторяя движения маятника.

– Не может быть! – прошептала Люся.

– Я тоже не верила своим глазам и подумала, что они обе сами, вольно или невольно, раскачивали кольцо, поэтому взяла отвес из рук Тони и поднесла его к портрету.

Натянутая нить замерла. И все замерли, глядя на кольцо. Оно висело без движения очень долго, наверное, несколько минут. Я уже было открыла рот, чтобы произнести победно: «И никакой мистики!», как кольцо дрогнуло и притянулось к портрету.

«Видишь, – закричала Нина, – он забирает твою энергию!». Я выпустила нить – кольцо мягко шлёпнулось на диван. В этот миг Наталья отдернула протянутую, было, руку: «Нет, я пробовать не буду!». И все сразу засобирались, вдруг вспомнив, что уже поздно. Одевались молча, и только Нина всё повторяла: «Видели, как он притянул кольцо?!».

– Да-а-а, история... – протянула Люся, – но это ведь не конец?

– К сожалению, было продолжение. Проводив девчонок, я убрала со стола, но, включив воду, чтобы помыть посуду, поняла, как устала, и решила лечь спать.

Портрет, который всё ещё стоял в углу дивана, не снимая с планшета, положила на этажерку, И, как ни была взволнована произошедшим событием, сразу заснула.

Утром, несмотря на то, что проспала часов двенадцать, отдохнувшей я себя не почувствовала. С большим усилием поднялась. Дошла до ванны. Но и после прохладного душа мне не стало легче. К слабости добавилась тошнота. Тело было совершенно разбито, словно после огромного физического напряжения. При этом у меня ничего не болело.

Я вернулась на диван, в который меня просто вдавила непонятная тяжесть. Пора было идти на работу, но сил хватило только на то, чтобы набрать номер главного редактора и отпроситься на день, чтобы отлежаться. Потом позвонила Тоне. Выслушав мою историю, она закричала в трубку: «Я вызываю скорую. А ты немедленно сожги портрет!».

– Я посоветовала бы то же самое, – сказала Люся.

– А мне это показалось абсурдным. И ещё некоторое время я пыталась понять причину того, что со мной происходит. И когда, наконец, решила сжечь проклятый портрет, уже не держалась на ногах, и добираться до ванны пришлось буквально ползком.

Портрет я положила в раковину и чиркнула спичкой. Не поверите – простая бумага вдруг вспыхнула искрами, как бенгальский огонь, шипя и корчась. Я смыла пепел и обессилено опустилась на пол...

Очнулась я от беспрерывного звонка в дверь. Добраться до неё и открыть стоило мне невероятных усилий.

За дверью стояли Тоня и врач скорой помощи. Дальше в моей памяти чёрная дыра...

Лана наконец взглянула на своих сопалатниц. Пока рассказывала, она глядела как бы внутрь себя, вспоминая и переживая произошедшее. Люся и Людмила Алексеевна молчали. Причём на лице последней читалась

внутренняя борьба, словно хотела она что-то уточнить или добавить. Но заговорила Люся:

– Вы знаете, у меня тоже есть одна мистическая история. Она произошла со мной прошлым летом. Хотите, расскажу?

– Конечно! – в один голос отозвались Лана и Людмила Алексеевна. И, будто соглашаясь с ними, заскрипела кровать бабушки Милы.

– Я почти полтора года, как замужем, – начала Люся.

– Сколько же тебе лет? – удивилась Лана.

– Девятнадцать. Я сейчас на четвёртом курсе. А после третьего мы с моим мужем Толей поехали в свой первый совместный отпуск. Выбрали маленький городок недалеко от Сочи. Море, горы, флигелёк в глубине старого фруктового сада. Между собой мы называли наш приземистый домик курятником. Покрытый досками, тёмными от дождей и времени, с зелёными пятнами мха и с крохотными окошками, расположенными под самой крышей, он как раз и напоминал то ли бывший птичник, то ли дровяной сарай. Внутри было темно от густой зелени сада, да и окошки выходили на север.

Единственная комнатка была такой крошечной, что открыть узкий тёмный шкаф с зеркалом можно было только забравшись с ногами на двухспальную железную кровать. Больше ничего в спальне не было, даже стула. Ещё меньше была кухонька. Но в ней мы нашли всё необходимое: небольшой стол с посудой, холодильник, электроплитку. Более всего нас обрадовала ванная комната. Вода для неё закачивалась насосом в огромный бак, внутрь которого был вмонтирован электрический нагреватель. Обычно с утра мы включали его на самую малую мощность и уходили на весь день. А возвратившись с удовольствием принимали душ. И вода оставалась тёплой до утра.

Жизнь наша текла размеренно, но в то же время была насыщена впечатлениями. С утра мы обычно варили себе овсяную кашу и ели её с фруктами. Потом шли на море, где купались и загорали, пока солнце ни уходило в зенит. Там же, в маленьком кафе на набережной, обедали. А после обеда, переодевшись, отправлялись на экскурсию. За две недели мы исколесили все окрестности. Но как-то не получалось осмотреть ту часть городка, что за рекой. Туда можно было добраться или пешком, или на велосипеде, так как соединял два берега только узенький висячий мостик.

На последний день у нас никаких планов не было. Мне хотелось напоследок вдоволь наплаваться и полежать на пляже. Толя же предложил с утра взять напрокат велосипеда и съездить на тот берег. А на море сходить перед отъездом – наш автобус отправлялся в десять вечера. Конечно, надо было всё обсудить заранее, но дотянули до утра в день отъезда.

Поспорили мы именно из-за велосипедов, так как за прокат нужно было отдать большую часть оставшихся денег. А впереди дорога с двумя пересадками, сначала на автобусах (до города и в аэропорт), потом самолётом. И неизвестно, удастся ли снять деньги с карточки.

В конце концов муж победил, и мы пошли за велосипедами. Проехав несколько кварталов одноэтажных домиков, мы пропустили нужный

поворот. Пришлось возвращаться, расспрашивать прохожих. И, наконец, узкая улочка привела нас к мосту. Здесь мы слезли с велосипедов и повели их рядом, следуя друг за другом – Толя впереди.

Навстречу шли мальчишки, смеясь и толкая друг друга. Мужа они пропустили, посторонясь. Мне же пришлось сквозь них буквально протискиваться. Перейдя через речку, мы остановились у продовольственного магазина. Толя остался с велосипедами, а я вошла внутрь.

Единственная продавщица принимала товар, пересчитывая палки сухой колбасы и проверяя их количество по накладной. В магазине, кроме меня, ожидала окончания приёма товара невысокая сухонькая старушка в длинном светлом платье и белом платочке, завязанном под подбородком. Я нашла холодильники с мороженым и напитками и сунула руку в карман, чтобы приготовить нужную сумму – кошелек в нём не оказалось. Я невольно вскрикнула.

«Что случилось?» – подняла голову продавщица.

«Кошелёк пропал!» – я вывернула все карманы ветровки и спортивных брюк, хотя он всегда лежал только в одном месте – левом кармане куртки.

«А много было денег-то?» – снова спросила продавщица.

«Нет. Но это были наши последние деньги». – И, вспомнив, что в кошельке ещё лежала пластиковая карточка, я заплакала, закрыв лицо руками. И вдруг почувствовала, что кто-то гладит меня по голове – рядом стояла старушка.

«Вот что, милая, – сказала она тихо, почти вплотную приблизившись к моему уху, – есть у меня проверенное средство. Ты сейчас успокойся, иди домой и переведи часы назад, на то время, когда только проснулась. А потом пройди мысленно весь сегодняшний путь. Выход найдётся». – С этими словами она вышла из магазина. Я поспешила следом, но возле крыльца увидела одного Толю.

«Что-то случилось?» – спросил он, глядя на моё лицо.

Я рассказала о кошельке. К моему удивлению, муж не стал из этого делать трагедии, наоборот, как мог, успокоил меня: «Что ты так расстроилась из-за нескольких сотен рублей? Билеты на автобус и самолёт у нас есть. Еда в дорогу куплена. Доедем! А карточку дома заблокируем. У тебя ведь на ней немного осталось?».

Я промолчала – на карточке в резерве лежало пятнадцать тысяч, которые втайне от мужа откладывались ему на подарок к годовщине нашей свадьбы.

«А может, ещё покатаемся? – спросил Толя. – Развеешься...».

Но мне было уже не до этого.

Муж пошёл сдавать велосипеды, я – домой. И, как только вошла, сразу перевела часы на семь утра. Сама легла на кровать, пытаюсь мысленно восстановить события сегодняшнего утра. Вот мы берём в пункте проката велосипеды. Я расплачиваюсь, кладу кошелек в левый карман ветровки. Эти карманы такие мелкие – руку не засунуть, а тут кошелек! Конечно, мог выскользнуть в любой момент, пока я крутила педали! Но тут я вспомнила, что

перед мостом кошелёк ещё был: увидев на той стороне речки магазин, я машинально сунула руку в карман.

Значит, кошелёк исчез именно на мосту. И вдруг я совершенно ясно поняла, как это случилось. Я протискиваюсь сквозь группу мальчишек. Один из них толкает меня. Я оборачиваюсь. Он извиняется и бежит за остальными. Где-то я видела этого мальчишку. Где? Где видела? Старушка сказала: выход найдётся! Найдётся...

Я не заметила, как задремала. А когда открыла глаза, на будильнике, висящем на гвоздике над кроватью, снова было семь часов. Рядом мирно посапывал муж.

«Неужели проспала до вечера, – удивилась я. – Или будильник стоит?». Нет, будильник тикал, показывая уже начало восьмого. Почему-то я совершенно забыла, что перевела часы назад, и, расталкивая Толю, говорила: «Вставай быстрее – у нас всего три часа до автобуса! А надо ещё найти мальчишку, который украл мой кошелёк. Я вспомнила, где его видела: он купается у нашего камня, только с другой стороны...». – Торопливо произнося всё это, я сдёрнула с Толи тоненькое покрывало и бросила на кровать его вещи.

«Какой мальчишка, какой кошелёк? – бормотал спросонья муж. – Какие три часа? Утро ещё!».

Не дослушав, я выскочила на улицу и увидела, что солнце висит на востоке. Идущая с огорода хозяйка, нагруженная двумя ведрами помидоров, приветливо крикнула мне: «Доброе утро!».

Так это всё мне приснилось! Я не могла поверить – сон выглядел так реально!

Дальше было всё, как в том сне: в споре о велосипедной прогулке снова победил муж. Но теперь, расплатившись за велосипеды, я отдала кошелёк ему, и он положил его в нагрудный карман рубашки. Толя снова ехал впереди, но улочку, ведущую к мосту, на этот раз мы не пропустили – я заранее крикнула: «Сворачивай направо!».

На мосту навстречу нам шла женщина с детской коляской. Мы решили подождать, пока она проедет, так как нам было не разойтись. И вдруг в самом конце перехода колесо коляски провалилось в щель между досками моста. Женщина пыталась вытащить его, но оно застряло, и у неё ничего не получалось. Толя, передав велосипед мне, бросился ей на помощь и очень быстро справился.

Через мост мы перешли без приключений. В прохладном и полутёмном после яркой улицы магазине скучала в одиночестве продавщица. Я удивилась, что продавщица оказалась та же, что и во сне. И подумала, что сейчас привезут товар, а потом придёт бабушка в белом платочке... Мне стало интересно это проверить.

«Чего-то берёте?» – нетерпеливо спросила меня продавщица.

«Да, две «Фанты». – И тут я вспомнила, что кошелёк у мужа. И, выйдя на крыльцо, крикнула: «Толь, дай денег на воду!».

Он потянулся к карману – кошелька в нём не было. «Ну вот – сон в руку», – только и сказала я.

А дома, куда вернулась, пока Толя пошёл сдавать велосипеды, как и во сне, перевела будильник на семь часов...

Теперь воспоминания были короче – если бы кошелек выпал в пути, я заметила бы, потому что всё время ехала сзади. Конечно же, это случилось, когда Толя помогал вытаскивать колесо. Нагнулся – вот он и вылетел. А теперь лежит себе под мостом. Надо бы сходить его взять... – на этой мысли я успокоилась и задремала.

...Открыв глаза, я увидела, что на будильнике снова семь, а Толя спит рядом. На этот раз я не стала суетиться, тихонько выскользнула на улицу и снова поняла, что утро.

Далее всё пошло, как по утверждённому сценарию, но спор о велосипедной прогулке перешёл в ссору. Муж, отказавшись от чая, демонстративно вытащил из моей сумочки кошелек, отсчитал нужную сумму, вернул кошелек в сумку и бросил её на кухонный стол. Потом ещё раз спросил раздражённо: «Идёшь?». И, не дождавшись ответа, вышел, хлопнув дверью. Я быстро переделалась в спортивный костюм и выбежала следом. Но у пункта проката Толи уже не было. Я побежала к мостику, перешла через речку. Магазин был ещё закрыт. Я потопталась на крыльце, не зная, сколько времени, и не спеша пошла дамой.

...У нашей калитки толпились люди, которые молча расступились, пропустив меня в сад. Навстречу бежала хозяйка: «Что же вы наделали, паразиты! Чайник-то что не выключили? Ведь вы меня без дома оставили!». Она ещё что-то кричала, но я, не слушая, сразу побежала к флигелю. Возле раскрытой настежь двери валялся обгоревший кухонный стол, а рядом – всё ещё дымилось то, что осталось от моей сумочки – сгорели не только деньги и пластиковая карточка, но и паспорта, и билеты на самолёт. Пробежав закопчённую кухню, я кинулась в комнату. Будильник висел на стене. Дрожащими руками я перевела стрелки на семь часов и крепко зажмурилась...

Вдруг раздался отдалённый, но всё усиливающийся звон. Я открыла глаза и увидела, что почему-то лежу в постели, а на стене, надрываясь, звенит будильник.

Почти в то же мгновение в комнату вошёл Толя: «Проснулась? Тогда быстро завтракаем, и – на велосипеды».

Находясь ещё под впечатлением сна, я вяло возразила: «Может, не поедем никуда – мне сон нехороший приснился»...

«Ну, нет! Я тебя лишил права выбора. Пока ты спала, я уже сбегал, взял велосипеды напрокат», – он распахнул дверь, и я действительно увидела занявшие все пространство кухни два складных велосипеда.

«Тогда не поедем на мост!» – упиралась я.

«Ты же хотела увидеть, что на том берегу реки, – удивился Толя.

«Теперь не хочу!» – я всё ещё надеялась его отговорить...

«Ладно», – махнул рукой Толя. В это утро он со мной не спорил, и мы быстро обсудили новый маршрут.

Направились в другую сторону, к парку. Объехав его по периметру, мы уж было повернули на второй круг, но тут я наскочила переднем колесом на камушек, велосипед вильнул и врезался в дерево, а я полетела на землю. Ударившись обо что-то головой, я на мгновение потеряла сознание. Но Толя уже поднял меня, непрерывно повторяя: «Ты в порядке, ты в порядке?».

У меня кружилась голова и подташнивало.

Тихонько доведя меня до дома и уложив в постель, Толя пошёл сдавать велосипеды. И только он вышел, я бездумно перевела часы назад...

...Муж не возвращался очень долго, и, ожидая его, я заснула. А когда открыла глаза, снова было семь часов. Голова нестерпимо болела. Толи в комнате не было. Я ещё лежала, пытаюсь собрать в голове обрывки мыслей: велосипед, часы, автобус...

В комнату вошёл муж: «Проснулась? А я целый день провозился с велосипедом – исправлял «восьмёрку» на переднем колесе, подшипник тоже рассыпался, руль погнулся. Потом ещё покраска. В общем, пришлось отдать все наши деньги. Хорошо хоть есть билеты на обратную дорогу...».

Слова «билеты» и «дорога» наконец связались в моей голове в нужную мысль: «Мы же опаздываем на автобус, – крикнула я.

«Лежи-лежи, – успокоил меня Толя. – Ещё только начало восьмого!».

«Да я часы перевела назад!».

«Зачем?».

«Потом расскажу!».

Толя схватил чемодан, который, слава Богу, уже был собран. Я вцепилась в его руку, потому что голова всё ещё кружилась, а в глазах темнело. Так мы и двинулись к остановке, которая была всего минутах в пяти ходьбы. Под навесом, где всегда кто-то сидел не только на скамейках, но и на чемоданах, на сей раз, было пусто. Лишь неподалёку старый сторбленный дворник ширкал асфальт остатками метлы.

«Автобус уже был?» – крикнули мы ему хором.

«Опомнились! – проворчал старик. – Уж с полчаса, как ушёл»...

Люся замолчала. В комнате стало очень тихо. «Заснули, что ли?» – подумала она.

Но Людмила Алексеевна и Лана смотрели на неё во все глаза. Даже бабушка бросала быстрые взгляды из-под полуприкрытых век.

– Как же вы выпутались из всей этой истории? – наконец спросила Людмила Алексеевна.

– Да уж, ситуация была не самая лучшая – денег ни копейки, во флигель наутро заселились новые отдыхающие. Тут ещё моё сотрясение – надо лежать. Толя устроил меня в саду, постелив на траву пляжный коврик, а сам взял у хозяйки денег в долг – и в город, в банкомат. Снял всё, что было на карточке.

В аэропорт пришлось везти меня на такси. Билеты обменять сразу не удалось – улетели только через три дня. Всё это время жили в гостинице при

аэровокзале. Так что деньги, отложенные мной на подарок Толе, ушли безвозвратно.

Все вздохнули.

– А что ты думаешь обо всей этой истории с часами? – спросила Лана.

– Если бы не со мной случилось – сказала бы: сон. Но бывают ли сны такими подробными? Я помню каждую деталь...

– Сон-то был вещий, – отозвалась со своей кровати Людмила Алексеевна. – Ведь три раза тебя предупредили: и так, и этак, а ты наяву всё равно потеряла и деньги, и билеты. Хотя... говорят же: чему быть – того не миновать!

– А мне кажется, в этой истории есть ещё один смысл, – Лана повернулась к Люсе, – ты ведь всё время старалась что-то изменить, а становилось всё хуже... Может, иногда надо положиться на судьбу?

– Вот здесь я с вами соглашусь, – Людмила Алексеевна приподнялась на кровати, затем села. – Жизнь, она выбирает если уж не лучший вариант, то самый оптимальный. Есть у меня на этот счёт одна история. Она не такая мистическая, как ваши, но, на мой взгляд, поучительная.

– Расскажите, расскажите, – оживилась Люся.

– Хорошо. Произошла она со мной недавно. Вернее, история ещё и не закончена. Всего год назад мы с мужем (кстати, его тоже зовут Анатолием) жили в коммуналке. Хорошая комната, двадцать метров, светлая, с балконом. Из окна видно крейсер «Аврора», Неву, старинные здания центра. А выйдешь из дома, в конце улицы – Петропавловская крепость.

– Вы жили на Петроградке? – спросила Лана.

– Да, на улице Куйбышева. Только у нас говорят не на Петроградке, а на Петроградской...

– Как бы я хотела жить в Петербурге! – прошептала Люся.

– Ещё будете! – загадочно улыбнулась Людмила Алексеевна. – Ну, так вот... на чём я остановилась? На коммуналке. Вообще-то она нас вполне устраивала: дом сталинский, крепкий, комната – уютная, обжитая. Кухня большая. Коридоры со стенными шкафами – так что всё барахлишко там. Соседи – тихие, интеллигентные люди. Но отдельная квартира! И тут как раз появились деньги. Мы быстро подали объявление о продаже своей комнаты. Подобрали в бюллетене недвижимости несколько вариантов и поехали смотреть квартиры.

– А сколько комнат вы хотели? – спросила Люся, которую, видимо, чрезвычайно интересовал квартирный вопрос.

– Хотели! На сколько денег хватит! Хватало на двухкомнатную квартиру недалеко от центра. После первой же нашей поездки по адресам нарисовались три варианта – две вторичных квартиры и одна в доме после капитального ремонта. Последняя была уж очень хороша! Но, к сожалению, даже если бы мы продали свою комнату по самой выгодной цене, нам всё равно не хватило бы на неё денег.

– А какая, какая она была? – снова спросила Люся.

– Ну, квартира – супер! Представьте: холл метров четырнадцать, в котором прихожую вполне можно совместить с гостиной. Комнаты: тринадцать и пятнадцать метров, десятиметровая квадратная кухня. Потолки – три сорок. И балкон – по длине всей квартиры. И всё это на седьмом этаже с видом на спортивный комплекс и парк, на территории которого стоят корпуса Политехнического университета, где я и работаю.

– Здорово! – восхитилась Лана. – Но неужели нельзя было найти недостающую сумму?

– Мы нашли деньги уже дня через три. Комнату нашу согласился купить сосед по квартире и сразу же выплатил за нее всю стоимость. Мужу дали на работе кредит в счёт зарплаты на полгода вперед. И всё же покупать эту квартиру мы не стали.

– Почему? – удивилась Люся.

– Рассудили, что вряд ли её потянем. Ведь там продавались только стены. Всю отделку, пол, электрику, сантехнику пришлось бы делать и покупать самим. А на это, как мы прикинули, потребовалось ты ещё не менее четверти от стоимости квартиры. Так что – отказались. Но у нас в запасе были ещё два варианта!

– Расскажите, расскажите о них подробнее, – снова попросила Люся.
– Один был практически в центре, недалеко от Витебского вокзала. Сталинский дом, предпоследний четвёртый этаж. Квартира небольшая, но удобная и, хотя была коммунальной, оказалась не очень запущенной. Но если против предыдущего варианта возражала в основном я, боясь, что какое-то время придётся жить на бетонном полу без газа и воды, теперь упёрся Анатолий. Главным его аргументом была плохая экология. И хотя жильцы дома уверяли нас, что до их зелёного двора не долетает ни шум железной дороги, ни грязь и копоть от потока машин, несущихся вдоль Обводного канала, муж был непреклонен. И от этого варианта мы тоже отказались.

– И не жалко было? – спросила Лана.

– В тот момент, конечно, жалко. Мне даже казалось, что муж специально встал в позу, чтобы отомстить мне за то, что я отказалась связываться с реконструированным полуфабрикатом. Но скоро, уже после того, как был подписан договор купли-продажи с хозяином третьей квартиры, я заинтересовалась судьбой тех двух. И оказалось, что первая была продана два раза (мы чуть не оказались третьими «собственниками»). А в другой – продалась только одна комната. За вторую же хозяйка заломила такую цену, что новые соседи вряд ли смогут её выкупить.

– Надо же! – удивилась Лана, – вот что-то ведь удерживало вас от покупки тех квартир. А сейчас всё в порядке?

– Погодите. История ещё не закончена. Хотя вы правы – с самого начала было что-то, что вело. Третья квартира нам тоже понравилась. Последний четвёртый этаж старинного дома, трёхметровые потолки, дубовый паркет на полу, просторный коридор, удобные комнаты. Особенно меня покорила кухня с двумя высокими окнами и выходом на небольшой балкончик. К тому же квартира была больше предыдущих и при этом самая дешёвая.

– Что же в ней было не так? – спросила Лана.

– Она была, как принято сейчас говорить, «убитая». На первый взгляд, требовался не только ремонт, но и замена отопления, электрики, сантехники. Но всё это было вполне решаемо, и в январе прошлого года мы подписали договор и внесли залог.

Квартира тогда находилась в процессе приватизации, но так как был всего один потенциальный собственник, к тому же мы проверили всю историю этой квартиры – всё было чисто, поэтому мы потихоньку стали складывать вещи и строить планы. Предполагали уже через месяц оформить собственность, а в марте закончить ремонт и переехать.

Но казалось, будто кто-то нарочно тормозил процесс. Приватизация затянулась до конца февраля. В марте, наконец, прошли нотариат. Оформление шло непонятно долго. Наш продавец в это время искал встречу. Нашёл в другом городе. Мы выдавали ему деньги частями – ровно столько, чтобы сначала он оплатил услуги риэлтора, дал аванс продавцу, потом купил квартиру, оформил её... Боялись, что он уйдёт в запой и всё застопорится. В другом городе документы оформлялись ещё дольше, чем у нас. В результате квартира освободилась только в мае, когда сосед, купивший нашу комнату, уже стал проявлять озабоченность: а собираемся ли мы вообще выезжать?

Но и в освободившейся квартире мы никак не могли начать ремонт. Купили стройматериалы, только отъехали от магазина – сломалась тележка. Пришлось из-за пары пакетов цемента нанимать машину и за две минуты пути заплатить больше, чем стоил этот самый цемент. Толя договорился в домоуправлении с сантехником, чтобы тот поменял трубы и установил ванну, раковину и унитаз. Дал ему денег на материалы и аванс за работу. Мастер исчез – перестал отвечать на звонки, а через неделю уволился из домоуправления.

Решили сначала поменять окна-двери. Вызвали представителя фирмы, которая устанавливает входные двери. Специалист сказал, что проём нестандартный и дверь придётся изготавливать специально, что выйдет значительно дороже. Уплатив за вызов, который, кстати, рекламировался как бесплатный, мы от услуг этой фирмы отказались. Те же проблемы, связанные с нестандартностью, возникли и с окнами – их вообще никто не брался делать. Так прошли недели две-три. Я уже давно взяла за правило, если что-то не получается, – не идти напролом, а сесть и подумать, в чём дело. Но здесь мы не понимали, что происходит, и нервничали. Когда же, нанятые мной маляры вечером, в канун назначенного дня начала работы, отказались по телефону, толком не объяснив причину, мы решили начать ремонт самостоятельно. Толя взялся за сантехнику, мне досталась побелка-покраска.

Шёл уже июнь, в университете началась сессия, не надо было ходить туда почти каждый день, и я потихоньку взялась за освоение азов малярного дела.

...В тот день я как раз заканчивала размывку потолка в большой комнате, когда соседка принесла «Комсомолку» с напечатанным в ней списком домов под расселение. И в совершенном шоке я нашла в нём наш адрес...

– Невероятно! – удивилась Лана.

– Да, вас вели почище, чем в моём сне, – добавила Люся.

– Мне и самой не верится, что при всей нашей настырности удалось избежать огромных и бессмысленных трат. Ремонт мы потихоньку сделали сами. Правда, переехали лишь в августе. Но теперь уже обжились. И можем спокойно ждать расселения. Да хоть бы его и не было – нас вполне устраивает эта квартира! К тому же давно стало ясно, что тот глобальный ремонт, который мы затевали, совсем и не был нужен...

– Бабушка Мила, что это вы радио на ночь не выключили? – Дверь открылась, и в палату вошла медсестра.

В комнате было тихо.

«Кто же здесь разговаривал?» – удивлённо спросила она, переводя взгляд со спящей старушки на пустые, аккуратно заправленные кровати. Постояла ещё немного, прислушиваясь, и, выключив свет, вышла, тихонько закрыв за собой дверь.

Бабушка Мила открыла глаза. В палате всё так же было пусто. Уличный фонарь наполнял её чуть зеленоватым светом. Старушка повернула голову так, чтобы было видно все кровати. Она переводила взгляд с одной на другую, потом на третью, каждый раз кивая головой, словно здороваясь с кем-то невидимым.

«Ну, вот и увиделись: Люсенька, Людмила, Людмила Алексеевна. Всё у вас хорошо. Теперь уж можно...» – она не договорила. Только было видно, что глаза её смотрят в незашторенное окно, а губы улыбаются.

20 марта – 4 апреля 2007 года,
Санкт-Петербург